

МИХАИЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ АНТОНОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», филиал в г. Санкт-Петербурге
198095, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Промышленная улица, д. 17
E-mail: mantonov@hse.ru
SPIN-код: 4586-3170
ORCID: 0000-0002-6462-2664

ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ОГЛЕЗНЕВ

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9
E-mail: ogleznev82@mail.ru
SPIN-код: 3701-0936
ORCID: 0000-0003-0287-6543
DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-4-antonov-ogleznev

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ И ИСТИНА В ПРАВЕ

Статья подготовлена В.В. Оглезневым в рамках поддержанного Советом по грантам Президента РФ научного проекта № МД-137.2020.6 «Теория определенности терминов юридического языка: логико-семантический и прагматический аспекты».

Аннотация. Понятие «истина», или «объективная истина», в отечественной юриспруденции нередко некритически используется для легитимации предлагаемых законодательных изменений, осуждения или восхваления существующих институтов или норм права, судебной практики и отдельно взятых решений, для обоснования прочих высказываний о целях и задачах права. Эти высказывания при помощи связки с категорией «истина» получают кажущуюся опору в фактах, в окружающей действительности, используемой в качестве референта для утверждения «истинности» таких высказываний или, соответственно, «ложности» противоположных точек зрения. В настоящей статье ставится вопрос о том, что может предложить юридический позитивизм теории права для уточнения тех двусмысленностей, которые имеют место в российской правовой доктрине при использовании термина «истина».

Ключевые слова: истина, юридический позитивизм, судебное решение, толкование права, объективная истина, состязательный процесс, розыскной процесс

MIKHAIL V. ANTONOV

National Research University Higher School of Economics
17 Promyshlennaia ulitsa, Saint Petersburg 198095, Russian Federation
E-mail: mantonov@hse.ru
ORCID: 0000-0002-6462-2664

VITALY V. OGLEZNEV

Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russian Federation
E-mail: ogleznev82@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0287-6543

LEGAL POSITIVISM AND TRUTH IN LAW

This paper was prepared by V.V. Ogleznev within the framework of the scientific project No. MD-137.2020.6 "Theory of Determinacy of Legal Terms: Logico-Semantic and Pragmatic Approaches", supported by the Council for Grants of the President of the Russian Federation.

Abstract. The concept "truth" or "objective truth" is often uncritically utilized in Russian legal scholarship to legitimize proposed legislative amendments, to condemn or laud the existing legal institutions or norms, case law and particular court decisions, to justify other statements about goals and objectives of law. By intermediary of the link with the category "truth" these statements acquire the seeming underpinning in facts, in reality which is taken as a reference point for claiming that some statements are true or false. This paper problematizes the role of legal positivism for nuancing the ambiguities in Russian legal doctrine as to the ways of utilization of the concept "truth".

Keywords: truth, legal positivism, judicial decision, legal interpretation, objective truth, adversary process

Вопрос о границе между фактами и их оценками нередко размывается не только в отраслевых юридических дисциплинах, но и в теоретико-правовых дискуссиях, участники которых могут опираться на принятое в том или ином юридическом сообществе словоупотребление. Такое размывание, как правило, связано с забвением того, что задачей теории права является не оправдание существующих в правовом порядке языковых конвенций, а прояснение значения понятий, используемых в рамках этих конвенций. Помимо прочего, в этом и заключается одно из важнейших отличий теории права от отраслевых

юридических дисциплин¹. В настоящей статье ставится вопрос о том, что может предложить юридический позитивизм теории права для уточнения тех двусмысленностей, которые имеют место в российской правовой доктрине при использовании термина «истина».

Этот термин нередко некритически используется для легитимации предлагаемых законодательных изменений, осуждения или восхваления существующих институтов или норм права, судебной практики и отдельно взятых решений, для обоснования прочих высказываний о целях и задачах права. Эти высказывания при помощи связки с категорией «истина» получают кажущуюся опору в фактах, в окружающей действительности, используемой в качестве референта для утверждения «истинности» таких высказываний или, соответственно, «ложности» противоположных точек зрения. Так, за счет на первый взгляд незаметной связки с категорией «истина» тот или иной порядок воззрений на право выдвигает имплицитную претензию на соответствие своих постулатов окружающей действительности². Нельзя забывать и об этическом подтексте категории «истина», который проявляется в характеристике истины как позитивной ценности, в противопоставлении негативной ценности лжи. Тем самым адептам того или иного комплекса этических идей имплицитно вменяется (вместе с идеальным требованием «поиска истины») также требование примкнуть к тому или иному строю теоретико-правовых утверждений, которые выдвигают претензию на монополизацию «истины» о свободе, равенстве и других защищаемых правом ценностях.

Поэтому неудивительно, что наряду с собственно логическим значением этого термина в правовом дискурсе часто встречаются случаи, когда слово «истина» используется для апологии или критики этических, идеологических и иных воззрений и программ, или просто для отстаивания своей субъективной точки зрения, которая через связку с категорией «истина» выдвигает имплицитную претензию на объективность или моральную правильность. Для научного или профессионального дискурса эта связка не только не оказывается полезной, но и, как правило, уводит в сторону от сущности обсуждаемых вопросов. В этом от-

¹ См.: Антонов М.В. Методы теоретического праведения в контексте глобализации // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 4. С. 35–57.

² Это имплицитное предположение особенно заметно в трудах тех авторов, которые по-прежнему мыслят соотношение между правом и окружающей действительностью в марксистских категориях надстройки и базиса — независимо от того, прикрывается ли такое соотношение «фиговым листком» какого-то нового типа правопонимания или нет.

ношении юридического позитивизм, опираясь на разделительный тезис (определение понятия права и источников его действительности вне зависимости от ценностных и фактологических суждений), нивелирует (хотя и не исключают полностью) эту тенденцию.

В качестве типичного примера для рассмотрения этой проблематики в российской юриспруденции мы рассмотрим дискуссию об объективной истине в связи с предложенными несколько лет назад А.И. Бастрькиным поправками в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ)³. Весьма спорные и сомнительные суждения, которые были высказаны сторонниками и противниками этих поправок, стали мотивом для написания настоящей работы, в которой мы попытаемся проблематизировать понятие истины с точки зрения классической логики и юридической методологии. Эта дискуссия не утратила своей актуальности, поскольку дебаты об истине в праве не прекратились даже после неудачи, которую потерпел законопроект. Сами эти дебаты поднимают важный для теоретической юриспруденции вопрос о разграничении оценочных и фактических суждений, а в рамках первых — также суждений о ценностях и о возможности вменения ответственности с точки зрения действующего права.

Идеология и истина в праве

Если абстрагироваться от логической несуразности самого термина «объективная истина»⁴, поднимаемая в законопроекте проблема касается идеологического вопроса о границах судейской активности в уголовном процессе и об этических и философских дискуссиях о конечных целях права и правосудия. Аргументов «за» и «против» законопроекта было высказано достаточно много, преимущественно со стороны представителей уголовно-процессуальной науки. Нашей целью является не рассмотрение этих аргументов, а скорее продолжение дискуссии о том, нужны ли уголовному процессу и позитивному праву вообще такие общие философские категории, как истина⁵.

³ Текст законопроекта, пояснительной записки к нему и иных документов доступны на сайте Следственного комитета РФ: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1136/ (далее — «законопроект»).

⁴ Поскольку субъективной истины с логической точки зрения быть не может. См., например: *Хазиев В.С.* О понятии «объективная истина» // *Философия и общество*. 2013. № 2. С. 47–64.

⁵ См., например: *Масленникова Л.Н.* Нужны ли УПК философские категории // *Адвокатская газета*. 2014. № 4 (165).

Позиция сторонников законопроекта заключалась в том, что «судья не должен быть пассивным наблюдателем за процессуальным противоборством сторон, который не должен проявлять какую-либо активность в собирании доказательств» (из пояснительной записки), и поэтому судья должен иметь возможность собирать доказательства по своей инициативе. Если посмотреть на этот вопрос с компаративистской точки зрения, то технически судья может вести уголовное преследование. Такова функция следственного судьи (*juge d'instruction* или *Untersuchungsrichter* во Франции и Швейцарии соответственно). И такова в целом основная идея, лежащая в основе инквизиционной (розыскной) модели уголовного процесса. Но данная дискуссия относится к области идеологии, и примешивание сюда вопроса об истине теоретически неоправданно. Ведь более или менее активная роль судьи в процессе не зависит от использования категории «истина» в процессуальном кодексе, а установление обстоятельств дела и их беспристрастная оценка возможны в обеих моделях уголовного процесса (состязательной и инквизиционной).

Споры не утихают и до настоящего времени⁶. Сторонники и противники нововведений солидаризируются в том, что так или иначе эта проблематика является продолжением дискуссий советских правоведов о материальной истине в уголовном процессе. Если посмотреть на определение «материальной истины» у основного представителя этой теории, профессора М.С. Строговича, то очевидно, что речь идет не об истине как логической характеристике суждений, а об истине как стандарте доказывания по уголовному делу: «Чтобы наказание достигло своей цели, необходимо убедиться в том, что преступление действительно было совершено и совершило его лицо, привлеченное к уголовной ответственности. Установление всех этих обстоятельств в соответствии с действительностью и составляет обнаружение материальной истины»⁷. Но использование категории «истина» в этом значении имеет мало общего с теми значениями, которые известны в философии и прежде всего в логике⁸.

⁶ См., например: Kirillova N.P., Lisanyuk E.N. Truth and Legal Argumentation in Fyodor Dostoevsky's The Karamazov Brothers // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology, and Political Science. 2019. Vol. 48. P. 193–204.

⁷ Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.; Л., 1947. С. 58.

⁸ См., например: Никуфоров А.Л. Понятие истины в теории познания // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XVI. № 2. С. 50–65; Истина в науках и философии / Под ред. И.Т. Касавина, Е.Н. Князевой, В.А. Лекторского. М., 2010.

В законопроекте объективная истина определялась как «соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения» (п. 22.1 ст. 5 УПК РФ согласно законопроекту), а от судьи требовалось нахождение «достоверного (объективно истинного) знания о событии преступления при принятии итогового процессуального решения по делу» (из пояснительной записки). То есть речь идет о корреспондентной теории истины и ее применении к процессу вынесения решений, которые могут быть оценены на объективность отражения окружающей действительности. Но в какой степени эта теория применима к судебному процессу и к позитивному праву в целом, была ли теоретическая или практическая польза от обсуждения вопроса о пределах состязательности в уголовном процессе?

Корреспондентная истина и право

В рамках нашего исследования мы придерживаемся понимания истины как такого свойства предложений (или высказываний), благодаря которому мы *знаем* их значение. То есть истина (и ложь, соответственно) выступает логическим значением высказывания, а критерием истины — то, с помощью чего мы устанавливаем или решаем, является ли оно истинным (соответствием фактам, согласованностью с другими высказываниями, практической пользой и т.п.)⁹.

Такое понимание истины можно применить к логическому анализу высказываний, содержащихся в судебных решениях, которые условно можно разделить на дескриптивные и прескриптивные. Корреспондентная теория позволяет наилучшим образом (учитывая поставленные задачи) выразить оппозицию дескриптивное/прескриптивное применительно к высказываниям судебных решений и тем самым отделить описание фактов от их оценки¹⁰. Возможно, такой подход может показаться несколько ограниченным, но, рассматривая корреспондентную теорию, мы не утверждаем, что другие теории истины (когерентная, прагматическая, конвенциональная и др.) не применимы к анализу высказываний юридического языка. Скорее, рассмотрение этих теорий необходимо потребовало бы выйти за рамки нашего проекта и провести совершенно другое исследование.

⁹ См.: Шрамко Я. Истина и ложь: что такое истинностные значения и для чего они нужны // Логос. 2009. № 2(70). С. 96–121.

¹⁰ См.: Дэвид М. Корреспондентная теория истины // Эпистемы: Сб. научных статей. Екатеринбург, 2007. С. 147–177; Куслий П.С. Истина, знание и корреспондентная теория // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XVI. № 2. С. 93–95.

Итак, с точки зрения корреспондентной теории истины, которая здесь преимущественно рассматривается, истинными или ложными могут быть только дескриптивные высказывания, поскольку их главной функцией является описание действительности. Если описание, даваемое высказыванием, соответствует *реальному* положению дел и подтверждается эмпирическими, наблюдаемыми фактами, то высказывание считается истинным, а если не соответствует, то ложным. В естественном языке дескриптивные высказывания в основном имеют грамматическую форму повествовательного предложения, что не исключает того, что описание может выражаться и предложениями других видов (например, вопросительное предложение в определенном контексте может выражать описание). Но, пожалуй, главное отличие дескриптивных высказываний от иных видов высказываний состоит не в их грамматической форме, а прежде всего в их основной функции — утверждении или отрицании наличия определенных ситуаций фактического и реального характера.

Понятие дескриптивного высказывания можно в определенной мере прояснить путем противопоставления его прескриптивному (оценочному, нормативному) высказыванию. Прескриптивное (т.е. предписывающее) высказывание устанавливает некоторое правило поведения. Оно обязывает, разрешает или запрещает выполнить некоторое действие, но ничего не утверждает и не отрицает в отношении фактов¹¹. Языковые формулировки прескриптивных высказываний также многообразны и разнородны. Иногда они имеют форму повелительного (императивного) предложения («Не курить!», «Прекратите лгать!» «Осторожно, гололед!» и т.п.). Или же индикативного предложения с глаголами изъявительного наклонения будущего времени (например, «Вы покинете комнату»¹² или же «Президент РФ вступает

¹¹ И хотя с точки зрения классической логики нормативные высказывания не являются ни истинными, ни ложными, современная неклассическая логика предоставляет возможности обходиться с нормативными предложениями как с высказываниями, истинность или ложность которых можно дедуцировать из других высказываний (например, деонтическая логика предоставляет возможность *говорить о* нормативных высказываниях как об истинных или ложных). См.: *Суровая Г.П.* К проблеме редукции нормативных высказываний // *Философия и культура.* 2019. № 2. С. 39–40. Например, Г.Х. фон Вригт говорил, что истинностным основанием нормативных утверждений является существование нормы. См.: *Wright G.H. von.* Norm and Action: A Logical Enquiry. London, 1963. P. 105–106. См. также: *Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В.* Нормативное знание и истина / «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. СПб., 2013. С. 302–317.

¹² См.: *Wright G.H. von.* Op. cit. P. 102.

в должность на тридцатый день со дня официального опубликования итогов выборов», где предполагается не *дескрипция* того, что президент *обычно* делает, но *прескрипция* того, что он *должен* делать).

Чаще всего прескриптивное высказывание представлено повествовательным предложением с особыми нормативными понятиями или деонтическими модальностями, такими как «обязательно», «разрешено», «запрещено», «(нормативно) безразлично». Вместо указанных понятий могут употребляться и другие слова, такие как «должен», «может», «не должен», «позволено», «рекомендуется», «запрещается» и т.п.¹³ Например, «Каждый *обязан* платить законно установленные налоги и сборы», «Никто *не должен* подвергаться пыткам», «Сбор информации о частной жизни лица без его согласия *не допускается*» и т.п.

Попробуем теперь эксплицировать оппозицию дескриптивное/прескриптивное в контексте судебного решения. С точки зрения корреспондентной теории истины, которая характеризует отношение между высказыванием и действительностью, истинными или ложными могут быть только утверждения о фактах (например, описание судьей имеющихся доказательств), в то время как оценка судьей доказательств, конструирование картины преступления на основании этой оценки, выбор применимой нормы для квалификации, вменение ответственности и т.п., истинностным значением обладать не будут. Так, например, свидетельские показания преимущественно выражаются дескриптивными высказываниями, потому что суд ожидает от свидетелей по возможности адекватного описания положения дел, и поэтому с точки зрения корреспондентной теории истины такие высказывания могут быть истинными или ложными.

Другое дело, что иногда судье достаточно сложно установить, адекватно ли свидетель описывает факты. Например, свидетель говорит: «Украсть велосипед мог только *X*, поскольку он нехороший человек, всегда воровал велосипеды и никто в нашей деревне на это не способен, кроме него. Поэтому я уверен, что силуэт вора, который я видел в темноте, принадлежит *X*». Хоть и облеченное в дескриптивную форму, последнее суждение выводится из предшествующих оценочных суждений и по своему смыслу является скорее прескриптивным (вменяющим *X* ответственность за воровство велосипеда), а не дескриптивным. У судьи есть свобода дать в решении оценку этим высказываниям, в том числе и с точки зрения их логического статуса.

¹³ См.: *Ивин А.А.* Импликации и модальности. М., 2004.

Напротив, резолютивная часть решения суда обычно не состоит из дескриптивных высказываний¹⁴, поскольку по своей сути она ничего не описывает, но является побуждением к определенным действиям, которые должны выполнять соответствующие органы, подсудимый или конфликтующие между собой стороны. Прескриптивные высказывания, которые должны по идее содержаться в этой части судебного решения, могут быть лишь обоснованными, целесообразными, эффективными, разумными и т.п., но никак не истинными или ложными. Кроме того, на практике в судопроизводстве нередко возникает проблема различения дескриптивных и прескриптивных высказываний, которые, как предполагается, должны содержаться в описательной и мотивировочной частях соответственно. Логическая непоследовательность в этом отношении в конечном счете приводит к смешению в рамках судебного решения описания фактов и их оценки¹⁵.

Но все это вовсе не означает, что корреспондентная теория истины применительно к логическому анализу дескриптивных высказываний, содержащихся в судебных решениях, является наилучшей. У этой теории есть свои недостатки. В частности, она не может предложить критерии, которые позволяли бы всегда безошибочно устанавливать истинность того или иного утверждения¹⁶. Всегда возможно, что говорящий — по забывчивости или оговорившись — использует неправильное слово: «Я сказал одно, но имел в виду совершенно другое...» или «Я оговорился...». В этом смысле свидетельские показания или описание судьей имеющихся доказательств, выраженные дескриптивными высказываниями, помимо соответствия неким эмпирическим, наблюдаемым фактам, должны быть еще непротиворечивыми, т.е. они не должны приводить к противоречию с точки зрения когерентной теории. Но в судебной практике часто имеет место именно обратная ситуация — непоследовательность как отдельных доказательств (например, путаница в показаниях свидетеля или неточности в экспертном заключении), так и всей доказательной базы в целом (например, свидетели защиты описывают факты иначе, чем свидетели обвинения).

¹⁴ За некоторыми исключениями вроде дел об установлении юридических фактов.

¹⁵ См. подробнее: *Дидикин А.Б.* О взаимосвязи фактов и содержания правовых понятий: методологический анализ // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 3. С. 106–115.

¹⁶ См.: *Хлебалин А.В.* Корреспондентная теория истины: отношение соответствия и семантика возможных миров // Вестник Новосибирского государственного университета. Философия. 2011. № 3(9). С. 37–42.

Истина, судопроизводство и судебные решения

Задачей суда является решение вопроса о вменении ответственности на основе собранных доказательств или освобождение от ответственности. Именно вокруг вопроса о вменении ответственности вращается юридическое познание, тогда как вопрос о причинно-следственной связи между явлениями интересует юриста лишь постольку, поскольку он связан с вопросом о вменении¹⁷. Доказыванию в судебном процессе собственно подлежит не каузальная связь, а то, как причинно-следственная цепочка событий связана с поведением лица, которому вменяется ответственность. Как правило, определение такой связи основывается на оценочном суждении касательно относительной силы представленных сторонами доказательств, среди которых судья выбирает наиболее убедительные, имеющие большую доказательственную силу.

В структуре судебной аргументации утверждение о факте оценивается не по бинарному принципу «ложно или истинно», а с точки зрения большей убедительности доказательств, представленных в пользу высказанных утверждений — как «доказанное» или «недоказанное». Эта оценка не обязательно предполагает ложность или истинность самих высказываний. Зачастую отсутствие доказательств о существовании некоего юридического факта презюмирует суждение об отсутствии этого факта в пользу той стороны (например, обвиняемый в уголовном процессе), в пользу которой бремя доказывания возложено на другую сторону процесса (обвинение). Уголовный закон может содержать и правила решения сомнений при оценке доказательств, например, толкование сомнений в пользу обвиняемого.

Некоторые доказательства могут быть исключены из материалов дела по процессуальным основаниям, так что истинность суждения о том, что подозреваемый признал свою вину, будет истинным применительно к одному моменту времени (скажем, на момент утверждения обвинительного заключения), но может оказаться ложным в следующий момент времени, если, к примеру, в суде будет установлено, что показания даны под пыткой и протокол допроса, в котором изложено признание вины, исключен из материалов дела. То же самое может произойти и в последующих судебных инстанциях, например, при пересмотре обвинительного приговора после того, как по другому уголовному делу будет установлено, что сотрудники полиции применяли пытки к осужденному для того, чтобы выбить из него признательные показания.

¹⁷ См.: Кельзен Г. Причинность и вменение // Schole. 2015. № 9(2). С. 271—281.

С учетом этого, если судья не соглашается с утверждением одной из сторон о существовании некоего факта, то было бы правильно сказать, что «существование факта (не) было доказано», а не утверждать, что «суждение о существовании этого факта истинно (ложно)».

Конечно, для юриста важно, какой стандарт доказывания в силу действующих норм подлежит применению при вменении ответственности. Здесь законодатель может использовать разные термины. Использование категории «объективная истина» в смысле корреспондентной истины (п. 22.1 ст. 5 УПК РФ согласно законопроекту) ориентирует на самый строгий и фактически невыполнимый стандарт. Трудно представить себе, во что превратилось бы судопроизводство, если бы судьи стали выносить приговоры и решения только в тех делах, где им удалось добиться достоверного знания, построенного на необходимо истинных посылах и верифицированного бесспорными доказательствами.

Юристам известно, что в суде практически всегда приходится иметь дело с вероятным знанием, которое вытекает лишь из правдоподобных утверждений и нередко опирается на неоднозначные доказательства. В судебном процессе наличие или отсутствие многих фактов презюмируется. Эти презумпции действуют при условии, если сторона, на которую возложено бремя доказывания, не представит доказательства противного или эти доказательства не будут сочтены судом достаточными. При таких обстоятельствах количество вынесенных решений по делам, где суд добивается достоверного знания о фактах, на самом деле исчисляется единицами. Если принимать «объективную истину» законопроекта как стандарт доказывания, то подавляющее большинство уголовных дел тянулись бы годами, пока суд не пришел бы к достоверному знанию о том, какое преступление совершено и кем, или же (скорее всего) пока дело прекратилось бы за истечением сроков давности или смертью обвиняемого.

Категория «истина» в традиционной логике предполагает двузначность суждения — оно может быть истинным или ложным, третье исключено. Двухзначная модель приводит к рассмотрению судебного решения в качестве совокупности утверждений об истинности определенного состояния дел. Однако такая функция не свойственна судебному процессу и выносимым в его рамках решениям. Юридическая техника предполагает определение релевантных для решения того или иного типового случая фактов, распределение между сторонами бремени доказывания этих фактов, условия допустимости самих доказательств, процессуальные правила доказывания и в конечном итоге оценочное суждение судьи о том, позиция какой из сторон имеет большую дока-

зательственную силу. Это суждение не является утверждением об истинности того или иного состояния дел. Его функция, как правило, заключается в распределении взаимных прав и обязанностей между тяжущимися сторонами, вменение одной из сторон ответственности. Некоторые исключения, например дела об установлении юридических фактов, скорее подтверждают, чем опровергают это утверждение.

В любом случае об истинности всего судебного решения говорить не приходится. Можно оценить на истинность лишь те дескриптивные высказывания, которые легли в основу решения — насколько они соответствуют тем доказательствам, что представлены в материалах дела. Речь здесь будет идти о характеристике самих этих высказываний, но не о решении в целом — о даваемой судом оценке доказательств, правовой квалификации спора и о решении спора по существу.

Как решение в целом, так и отдельные его фрагменты (например, описание фактов в мотивировочной части, которое имеет преюдициальное значение) действуют только под условием того, что решение вынесено компетентным лицом, что оно не будет отменено последующей судебной инстанцией и проч. Истинность (в смысле соответствия некоему фактическому положению дел) не является условием юридической силы решения, и, как правило, процессуальные кодексы такого требования к судебному решению не предъявляют¹⁸. Более того, даже если судебное решение установит некое состояние дел, которое не соответствует действительности, такое расхождение между установленными в решении фактами и реальными фактами не будет влиять на силу решения, а сами эти установленные факты могут даже иметь преюдициальное значение по сравнению с фактическим состоянием дел. Например, для того чтобы оспорить заключенную с его имуществом сделку, признанный умершим по решению суда человек должен будет сначала отменить решение о признании его умершим и уже после этого инициировать дальнейшие гражданские процессы.

В этом смысле содержащиеся в судебном решении утверждения столь же неопределенны, как и суждения о будущем — например, утверждение о том, что в определенный день будущего наступит конец света. Это утверждение будет неправдоподобным для атеиста, но будет предметом веры для адепта соответствующей религии, тогда как истинностный характер этого суждения в терминах корреспондентной тео-

¹⁸ Что теоретически не исключает предъявление процессуального требования к судье: например, рассматривать дело до того момента, когда будет получено достоверное знание (требование поиска объективной истины).

рии может быть проверен только при наступлении соответствующей даты. Если вернуться к примеру дела о признании человека умершим (что означает установление судом факта его смерти), то на случай, если этот человек через некоторое время появится и решение о признании его умершим будет отменено, было бы неправильно оценивать судебное решение в категориях истинности или ложности. Это решение повлекло определенные правовые последствия (открытие наследства, внесение записи о смерти в книгу ЗАГС и т.п.), отмена этого решения влечет аннулирование этих последствий, но с вопросом об истинности суждений суда это никак не связано. На момент вынесения решения (его вступления в силу) данное суждение суда не является ни истинным, ни ложным, поскольку не было известно, объявится ли признанное умершим лицо в будущем и, следовательно, не мог быть определен характер приведенного в решении суждения о смерти (истинно или ложно).

Истина, юридический позитивизм и релятивизм в праве

Термин «истина» может использоваться в качестве нормативного требования к деятельности суда, как это было в советское время, когда судья должен был искать «материальную истину», но речь тут идет не об истине в логическом смысле, а лишь о наделении судьи процессуальным правом самостоятельно собирать доказательства. Характеристика решения в терминах истинности-ложности, несомненно, добавляет иллюзорности силы критическим высказываниям о судебных решениях, но никак не способствует ясности таких высказываний.

Одно дело сказать, что с данной в решении оценкой фактов и доказательств я не согласен, оно меня не устраивает, другое — что судья не нашел истину по делу. Но кто устанавливает это реальное положение дел и проводит верификацию решения по отношению к этому положению дел? Для позитивистов возможность верифицировать содержащиеся в решениях дескриптивные суждения о фактах представлена лицам, наделенным в правопорядке соответствующей компетенцией — как правило, здесь речь идет только о компетенции вышестоящих судебных инстанций¹⁹.

Об истинности в данном контексте можно говорить только применительно к тому, что касается фактов (соответствия между описа-

¹⁹ См.: *Краевский А.А.* Проблемы экспликации понятий действительности и действности права в концепции Е.В. Булыгина // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 81–107.

нием фактов и доказательствами этих фактов в материалах дела). Все остальное: квалификация деяния, выбор подходящей нормы, оценка доказательств и вынесение решения по существу (резольютивная часть) — не связано с вопросом об установлении корреспондентной истины. Не могут оцениваться на корреспондентную истинность и интерпретативные акты — установление их истинности означало бы установление объективного значения нормы. Но существует ли значение нормы до ее истолкования и применения? Это другой сложнейший философско-правовой вопрос, на который многие исследователи (в частности, правовые реалисты²⁰) отвечают отрицательно.

Юридический позитивизм также исходит из отсутствия заранее заданных смыслов отдельных норм права. Эти смыслы устанавливаются путем конкретизации права (*Rechtsfortbildung*), применительно к обстоятельствам конкретных дел: выявленный судом смысл нормы может расходиться со смыслом, выявленным позже по делу с другими фактическими обстоятельствами. Проверить правильность решения, включая верификацию содержащихся в решении дескриптивных высказываний (их корреспондентную истинность), может лишь вышестоящая инстанция в установленных процессуальных границах (где-то допускается переоценка доказательств, где-то — представление новых доказательств, где-то — утверждения о наличии новых обстоятельств и т.п.).

С позитивистской точки зрения правовые нормы и делаемые на их основе суждения не предполагают какой-то реальности (объекта) в рамках права, которая позволила бы оценивать эти суждения на предмет истинности и ложности в смысле корреспонденции между ними и этой реальностью (что не препятствует критике права с точки зрения внешних критериев — религиозных, этических, идеологических и проч.). Поэтому с точки зрения позитивизма к задачам права не относятся легитимация предписаний, обеспечение их эффективности, их обоснование в перспективе этических, религиозных и иных идеалов²¹. Тем самым позитивизм защищает свободу выбора и мнения, ограничивает дискрецию за счет подчинения поведения чиновников заранее установленными нормами и процедурами. Хотя такое подчинение никогда не может быть полным.

²⁰ См.: Тимошина Е.В. Методология судебного толкования: критический анализ реалистического подхода // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 1. С. 72–102.

²¹ См. подробнее: Дидикин А.Б. Правовой позитивизм и эмпирические основания юриспруденции: концепции Дж. Остина и Г. Харта // Вестник Новосибирского государственного университета. Право. 2015. № 3(11). С. 16–22.

Заложенный в позитивистской методологии релятивизм освобождает юриста от власти чужих мнений и в то же самое время препятствует правителям навязывать свои мнения другим как «объективные», «единственно верные». Мнение чиновника обязательно лишь в пределах компетенции этого чиновника. То, что говорит тот или иной чиновник или судья, для юриста обязательно лишь в той степени, в которой правопорядок признает общеобязательность высказываний этого чиновника и решений этого судьи. Стоит ли в этих решениях искать какую-то истину? Нет. Не потому, что кто-то с ними не согласен, а просто потому, что такой поиск не имеет смысла с точки зрения аргументации юридического позитивизма, который делает юридическую силу норм и решений независимой в том числе от их соответствия неким фактам или оценочным суждениям, а истину высказываний о фактическом состоянии дел — независимой от того, что будет установлено в результате судебного процесса.

Что важно — эти и подобные оценки должны даваться в рамках права (компетентными лицами и органами), а не со стороны. За счет этого подобные оценочные суждения не будут претендовать на объективную значимость — их эффект будет произведен от той компетенции, которая приписывается автору суждения в рамках правопорядка, и будет ограничен этой компетенцией. Это всего лишь то, что написал судья, законодатель, прокурор, и не более того. Относительный характер суждений в праве делает юридическую технику более гибкой и позволяет использовать право как инструмент урегулирования споров и конфликтов, установления порядка в обществе, а не как инструмент насаждения своих теоретических воззрений или ценностных предпочтений.

Заключение

Технически в позитивное право можно ввести некие аксиоматические положения, которые будут претендовать на роль необходимых достоверных посылок для дальнейших рассуждений²². Но насколько это оправданно с точки зрения юридической техники? Если окончательные ответы на вопросы о добре и зле, истине и лжи, свободе и не-свободе и на другие «проклятые вопросы» (как писал Ф.М. Достоевский) искать в сфере права, то ответы рано или поздно столкнутся с коллизией индивидуальных убеждений отдельных людей, либо с об-

²² См.: *Оглезнев В.В., Суровцев В.А.* Конституция как аксиоматическая система // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 3–8.

ественным мнением, либо с иными нормами правопорядка, либо покажут свою практическую несостоятельность.

С точки зрения позитивизма право рассматривается как совокупность правил, институтов и процедур, при помощи которых находят свое окончательное разрешение споры о правах и обязанностях²³. Будут ли эти решения соответствовать тем или иным идеологическим или этическим представлениям, казаться кому-то «объективными» или «субъективными» — это отдельный вопрос²⁴. Но категория «истины» для обсуждения этого вопроса не является обязательной, а прибавление к этой категории прилагательных «субъективная», «объективная» и т.п. приводит к ошибочным суждениям²⁵. Более правильным было бы обсуждать этот вопрос применительно к обсуждению выбора той или иной идеологии (патернализм или либерализм), философско-правовой методологии (естественное право, юридический позитивизм и т.п.).

Применительно к вопросу об использовании категории «истина» в праве проблема состоит в том, что заимствование терминологии одной области и применение ее в другой («истина» является прежде всего логико-философским термином) часто приводит к неоправданному ее расширению и как результат — к некорректному использованию. В результате такого использования предмет обсуждения при рассмотрении законодательных новелл, развития судебной практики и других вопросов незаметно соскальзывает в область абстрактных философских или этических дискуссий об истине, ее условиях и связанных с ней моральных требований. Сами по себе философско-правовые дискуссии могут быть полезными или даже нужными, но весь вопрос в их уместности. Если некий вопрос (например, выбор модели уголовного процесса и уточнение полномочий судьи в процессе) может быть решен при помощи юридико-технических средств и понятий, то нет особого смысла в обращении к таким базовым философским категориям, как категория истины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В. «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013.

²³ См.: *Булыгин Е.В.* Что такое правовой позитивизм? // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 4. С. 236–245.

²⁴ См.: *Кельзен Г.* Норма и ценность // Известия УФУ. Общественные науки. 2017. № 2. С. 71–77.

²⁵ См.: *Пржиленский В.И.* Реальность и истина в конструктивистской парадигме философии права // Lex Russica. 2015. № 5. С. 23–43.

Антонов М.В. Методы теоретического правоведения в контексте глобализации // Труды Института государства и права РАН. 2017. Т. 12. № 4. С. 35–57.

Булыгин Е.В. Что такое правовой позитивизм? // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 4. С. 236–245.

Дидикин А.Б. О взаимосвязи фактов и содержания правовых понятий: методологический анализ // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 3. С. 106–115.

Дидикин А.Б. Правовой позитивизм и эмпирические основания юриспруденции: концепции Дж. Остина и Г. Харта // Вестник Новосибирского государственного университета. Право. 2015. № 3(11). С. 16–22.

Дэвид М. Корреспондентная теория истины // Эпистемы: Сб. научных статей. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького, 2007. С. 147–177.

Ивин А.А. Импликации и модальности. М.: ИФ РАН, 2004.

Истина в науках и философии / Под ред. И.Т. Касавина, Е.Н. Князевой, В.А. Лекторского. М.: Изд-во «Альфа-М», 2010.

Кельзен Г. Норма и ценность // Известия УФУ. Общественные науки. 2017. № 2. С. 71–77.

Кельзен Г. Причинность и вменение // Schole. 2015. № 9(2). С. 271–281.

Краевский А.А. Проблемы экспликации понятий действительности и действительности права в концепции Е.В. Булыгина // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 81–107.

Куслий П.С. Истина, знание и корреспондентная теория // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XVI. № 2. С. 93–95.

Никифоров А.Л. Понятие истины в теории познания // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XVI. № 2. С. 50–65.

Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Конституция как аксиоматическая система // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 3–8.

Пржиленский В.И. Реальность и истина в конструктивистской парадигме философии права // Lex Russica. 2015. № 5. С. 23–43.

Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

Суровягин Д.П. К проблеме редукции нормативных высказываний // Философия и культура. 2019. № 2. С. 38–44.

Тимошина Е.В. Методология судебного толкования: критический анализ реалистического подхода // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 1. С. 72–102.

Хазиев В.С. О понятии «объективная истина» // Философия и общество. 2013. № 2. С. 47–64.

Хлебалин А.В. Корреспондентная теория истины: отношение соответствия и семантика возможных миров // Вестник Новосибирского государственного университета. Философия. 2011. № 3(9). С. 37–42.

Шрамко Я. Истина и ложь: что такое истинностные значения и для чего они нужны // Логос. 2009. № 2 (70). С. 96–121.

Kirillova N.P., Lisanyuk E.N. Truth and Legal Argumentation in Fyodor Dostoevsky's The Karamazov Brothers // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology, and Political Science. 2019. Vol. 48. P. 193–204.

Wright G.H. von. Norm and Action: A Logical Enquiry. London: Routledge & Kegan Paul, 1963. P. 105–106.

REFERENCES

Alchourron, C., Bulygin, E. (2013). “*Normativnye sistemy*” i drugie raboty po filosofii prava i logike norm. [“Normative Systems” and Other Papers in Philosophy of Law and Logic of Norms]. S. Petersburg.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta

Antonov, M.V. (2017). Metody teoreticheskogo pravovedeniya v kontekste globalizatsii [Methods of Theoretical Jurisprudence in the Context of Globalization]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], 4, pp. 35–57.

Bulygin, E.V. (2011). Chto takoe pravovoi pozitivizm? [What is Legal Positivism?]. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [Jurisprudence], 4, pp. 236–245.

David, M. (2007). Korrespondentnaya teoriya istiny [The Correspondence Theory of Truth]. In *Epistemy: sbornik nauchnykh statei* [Epistemes]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta im. A.M. Gor'kogo, pp. 147–177.

Didikin, A.B. (2020). O vzaimosvyazi faktov i sodержaniya pravovykh ponyatii: metodologicheskii analiz [On the Relationship Between Facts and Legal Concepts: Methodological Analysis]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava. RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], 3(15), pp. 106–115.

Didikin, A.B. (2015). Pravovoi pozitivizm i empiricheskie osnovaniya yurisprudentsii: kontseptsii Dzh. Ostina i G. Kharta [Legal Positivism and Empirical Foundations of Jurisprudence: The Conceptions of J. Austin and H. Hart]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Novosibirsk State University Journal of Law], 3(11), pp. 16–22.

Ivin, A.A. (2004). *Implikatsii i modal'nosti* [Implications and Modalities]. Moscow: IF RAN.

Kasavin, I.T., Knyazeva, E.N., Lektorskii, V.A. eds. (2010). *Istina v naukakh i filosofii* [The Truth in Sciences and Philosophy]. Moscow: Izd-vo Al'fa-M.

Kelsen, H. (2017). Norma i tsennost' [Norm and Values]. *Izvestiya UFU. Obshchestvennye nauki* [Journal of UFU. Social Sciences], 2, pp. 71–77.

Kelsen, H. (2015). Prichinnost' i vmenenie [Causality and Imputation]. *Schole*, 2(9), pp. 271–281.

Khaziev, V.S. (2013). O ponyatii «ob»ektivnaya istina» [The Concept of Objective Truth]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2, pp. 47–64.

Khlebalin, A.V. (2011). Korrespondentnaya teoriya istiny: otnoshenie sootvetstviya i semantika vozmozhnykh mirov [Correspondence Theory of Truth: The Correspondence Relation and Possible-Worlds Semantics]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [Novosibirsk State University Journal of Philosophy], 3(9), pp. 37–42.

Kirillova, N.P., Lisanyuk, E.N. (2019). Truth and Legal Argumentation in Fyodor Dostoevsky's The Karamazov Brothers. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology, and Political Science*, 48, pp. 193–204.

Kraevskii, A.A. (2019). Problemy eksplikatsii ponyatii deistvitel'nosti i deistvennosti prava v kontseptsii E.V. Bulygina [Problems of Explication of the Concepts of Validity and Efficiency of Law in the Conception of E.V. Bulygin]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], 4, pp. 81–107.

Kuslii, P.S. (2008). Istina, znanie i korrespondentnaya teoriya [Truth, Knowledge, and The Correspondence Theory]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2(XVI), pp. 93–95.

Maslennikova, L.N. (2014). Nuzhny li UPK filosofskie kategorii [Does the RF Criminal Procedure Code Need Philosophical Categories]. *Advokatskaya gazeta* [Advocate Newspaper], 4(165).

Nikiforov, A.L. (2008). Ponyatie istiny v teorii poznaniya [The Concept of Truth and Theory of Knowledge]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2(XVI), pp. 50–65.

Ogleznev, V.V., Surovtsev, V.A. (2015). Konstitutsiya kak aksiomaticheskaya sistema [Constitution as an Axiomatic System]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe parvo* [Constitutional and Municipal Law], 5, pp. 3–8.

Przhilenskii, V.I. (2015). Real'nost' i istina v konstruktivistskoi paradigme filosofii prava [Reality and Truth in the Constructivist Paradigm of Legal Philosophy]. *Lex Russica*, 5, pp. 23–43.

Shramko, Ya. (2009). Istina i lozh': chto takoe istinnostnye znacheniya i dlya chego oni nuzhny [Truth and False: What are True Meanings and Why Do they Matter]. *Logos*, 2(70), pp. 96–121.

Strogovich, M.S. (1947). *Uchenie o material'noi istine v ugovnom protsesse* [Teaching on Material Truth in Criminal Procedure]. Moscow.: Izd-vo AN SSSR.

Surovyagin, D.P. (2019). K probleme reduksii normativnykh vyskazyvaniy [On Reduction Problem of Normative Statements]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2, pp. 38–44.

Timoshina, E.V. (2018). Metodologiya sudebnogo tolkovaniya: kriticheskii analiz realisticheskogo podkhoda [Methodology of Judicial Interpretation: a Critical Analysis of the Realist Approach]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], 1, pp. 72–102.

Wright G.H. von. (1963). *Norm and Action: A Logical Enquiry*. London: Routledge & Kegan Paul, pp. 105–106.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Антонов Михаил Валерьевич — кандидат юридических наук, PhD in Law (Лейденский университет), доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Оглезнев Виталий Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета.

AUTHOR'S INFO:

Michael V. Antonov — Candidate of Legal Sciences, PhD in Law, Associate Professor at the Department of the Theory and History of the Law and State, Saint Petersburg Branch of the National Research University Higher School of Economics.

Vitaly V. Ogleznev — Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Department of the Legal Theory and Legal History, Saint Petersburg State University.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Антонов М.В., Оглеzneв В.В. Юридический позитивизм и истина в праве // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 4. С. 42–61. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-4-antonov-ogleznev

FOR CITATION:

Antonov, M.V., Ogleznev, V.V. (2020) Legal Positivism and Truth in Law. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 15(4), pp. 42–61. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-4-antonov-ogleznev